

¹⁸ Цит. по: *Гордин Я.А.* Указ. соч. С. 235.

¹⁹ История России. С начала XVIII до конца XIX века / Отв. ред. А.Н. Сахаров. М., 1996. С. 333.

²⁰ См.: *Гордин Я.А.* Указ. соч. С. 236.

²¹ Цит. по: *Окунь С.Б.* Указ. соч. С. 218.

²² Цит. по: *Гордин Я.А.* Указ. соч. С. 291; *Окунь С.Б.* Указ. соч. С. 217.

²³ *Канн П.Я.* Указ. соч. С. 115.

И.В. Починская

ЕПИСКОП НЕОФИТ И ВЯТСКОЕ СТАРООБРЯДЧЕСТВО в 30–40-е гг. XIX г.*

Вятская губерния принадлежала к числу регионов Российской империи, наиболее плотно заселенных старообрядцами. По официальным данным, во второй половине 30-х гг. XIX в. количество сторонников древлего благочестия в губернии далеко перевалило за 30 тыс.¹. Более всего их проживало в Глазовском, Нолинском, Сарапульском, Уржумском, Малмыжском уездах (уезды перечислены в порядке убывания числа старообрядцев, их населявших).

В Нолинском уезде, на северо-востоке Уржумского, на севере и в центральной части Малмыжского и на юго-западе Глазовского уездов доминировали беспоповцы. Именно здесь находились наиболее влиятельные их центры. Орловский уезд не принадлежал к числу уездов с большим количеством старообрядцев, но восточная его часть (с. Подрельское и окрестности), а также северная (с. Верходворское), относятся к территориям компактного проживания старообрядцев-беспоповцев. Этот район был центром даниловского толка на Вятке. На остальной территории Глазовского уезда и в Сарапульском преобладали беглоповцы, которые во второй половине столетия в большинстве своем перешли в белокрыницкое согласие.

Период царствования Николая I, отмеченный жесткой политикой борьбы с инакомыслием, как известно, крайне тяжело сказался и на движении старообрядчества. Это время характеризуется активным, не-

* Статья подготовлена при финансовой поддержке программы Министерства образования РФ «Университеты России».

редко насильственным обращением старообрядцев в единоверие, закрытием, а затем разрушением или перестройкой в единоверческие церкви множества моленных, преследованием активистов движения и т.д. В различных районах империи эта общегосударственная тенденция в политике по отношению к старообрядцам во многом смягчалась или усугублялась в зависимости от позиции местных, в первую очередь духовных, властей. На Вятке наиболее тяжелыми оказались годы, когда епархиальную кафедру занимал епископ Неофит (Соснин) (1838–1851 гг.).

Свою деятельность на посту епископа Вятского и Слободского Неофит начал с конфликта с вятским губернатором. Причиной этого конфликта стала записка губернатора «О мерах борьбы с расколом», поданная им министру государственных имуществ Н.П. Киселеву в 1838 г. В этой записке он писал: «Старообрядцы Вятской губернии не имеют своих общежителств, как в Московской, Олонецкой и Саратовской губерниях, а находятся под их влиянием...», занимаются они в основном хлебопашеством, торговлю же ведут только 172 человека. Далее губернатор изложил свое видение причин роста «раскола». К главным среди них он относил то, что священники восстанавливают против себя население чрезмерными поборами. С его слов, крестьяне жалуются, что много праздников, в которые священники ходят с иконами и крестами по селениям, крестьяне должны платить им за исполняемые требы, вынуждены не работать в эти дни².

Другой, не менее важной, причиной распространения раскола губернатор считал корпоративность и хитрость староверов. «Известно, – писал он, – что капиталы раскольников, можно сказать, во всей России общие и в случаях нужды деньги собираются со всех, от чего, несмотря на скудность здешних раскольников, оне всегда могут помочь бедному крестьянину, как на необходимые домашние издержки, так и на заплату податей и тем, так сказать, покупают его; деньги же, когда он исправится, сторицею с него соберут, из богатого же сословия переходит старина преклонных уже лет, и на них они действуют постом и молитвою»³.

Эта записка была передана министром государственных имуществ обер-прокурору Синода Протасову, а тот, в свою очередь, представил ее Синоду, откуда она и попала к Неофиту, вызвав возмущение, которое владыка выразил в рапорте, представленном Синоду в 1839 г. Целью этого рапорта было доказать слишком мягкое, порой переходящее в пособничество, отношение светских властей губернии к старообрядчеству, и подчеркнуть роль духовенства в борьбе с «раскольниками». Рапорт вятского архиерея замечателен тем, что, полемизируя с губернатором, который пытался убедить правительство в том, что старообряд-

чество на Вятке не слишком сильно, живописует ситуацию совсем иначе. Он дает подробные характеристики основным центрам старообрядчества губернии, опираясь на полицейские, миссионерские, статистические данные. Его рапорт представляет собой достаточно яркую картину состояния старообрядческого движения в начале второй трети XIX в. Информация, полученная Неофитом в ходе составления рапорта, была использована им в полной мере. Центры, отмеченные в рапорте, были подвергнуты уничтожению в первую очередь.

В качестве одного из страшнейших рассадников «раскола» епископ называл Сарапул. «В г. Сарапуле раскольническая часовня, известная ... под именем то Курбатовской, то Колчинской. В 1825 г. (31 декабря) предписано было от управляющего министерства внутренних дел оную часовню уничтожить, но в последствии оказалось она не уничтожена. В 1836 г. попытка духовных властей выяснить, на каком основании она существует, ни к чему не привела, губернатор не ответил на запрос. По донесению миссионера Камско-Воткинского завода протоиерея Блинова по поводу часовни было проведено расследование, в результате были конфискованы книги и др. Дело поступило на рассмотрение сарапульского уездного суда и городского магистрата, там дело и находится не получая разрешения. Между тем Колчин и Курбатов... пользуются всею свободою и правами торговли. Сии обнаруженные и прочие сарапульские раскольники упорствуют в расколе. От сего к единоверческому приходу, основанному в г. Сарапуле, присоединилось 7 только городских домов раскольнических, а прочие 55 домов, в коих находится около 400 душ ... остаются далее непреклонными в расколе. Из них по гильдиям купеческим на текущий 1839 г. объявлено одиннадцать капиталов. И вообще по состоянию сарапульские раскольники, как купцы, так и мещане, почитаются богатейшими гражданами. Первые (по доставленным сведениям) имеют фабрики, мыльные и кожевенные заводы, занимаются как внутренним, так и внешним торгом хлеба, рыбы, сала, шетины, семени льна, меда, воска и прочих произведений, коими изобилует сарапульский округ. Некоторые из них торгуют в погребках винами, в лавках шелковыми, бумажными, москательными и другими товарами. Мещане занимаются судоходными поставками по рекам Каме и Волге, переторговывают тем же, чем и купечество, но в меньшем виде и имеют многолюдные швальни и занимаются обрабатыванием в значительном количестве кожевского товара. Сверх сего купечество раскольническое имеет общение с разными местами. Закуп и сбыт продовольствия сарапульской округи через них производится по Каме до г. Чердыни, по Волге до Рыбинска и Астрахани судоходно, а по Оренбургской линии сухопутно.

По сему нельзя сказать, чтоб главная торговля по Сарапулу и округе города состояла только в руках купцов православного исповедания и, чтоб сарапульские раскольники не действовали на тех, которые сбывают им свои продукты, а особенно на тех людей, которые по торговым оборотам их находятся в прикащиках и в услужении при домах, фабриках, заводах, лавках, швальнях, погребках, при разной поставке. Ибо можно положить, что таковой прислуги, кроме подобных себе раскольников, одних людей православного исповедания, по преимущественной бедности, находится у них сот до четырех. Люди сии одоляясь от них деньгами и завися во многом из главных потребностей жизни, а паче обольщаясь их внешностью и богатством, охладевают в истинной вере... Таким образом, сарапульское раскольническое общество и примером своим и влиянием поддерживает и усиливает раскол. Некоторые донесения указывают на отзывы окрестных раскольников, что они тогда обратятся к церкви, когда сарапульское общество присоединится к единоверческой или православной церкви вместо бывшей часовни»⁴.

Колчины и Курбатовы, упомянутые в рапорте, – два крупнейших старообрядческих клана Сарапула. Самой большой и влиятельной была фамилия Колчиных. По переписи старообрядцев Сарапула в начале 40-х гг. XIX в., она насчитывала 68 человек⁵. И это, как показывают материалы дела, далеко не полный список. При домах различных представителей этого клана всегда находились самые крупные моленные, объединявшие вокруг себя не только старообрядцев Сарапула, но и всего уезда. Моленная, которую епископ Неофит характеризует как «известную под именем то Курбатовской, то Колчинской», возникла в конце второго десятилетия XIX в. До 1816 г. главной поповской часовней была та, что располагалась в доме мещанина Зайцева. После закрытия ее восприемницей стала моленная, устроенная в старом доме Колчина, который занимал один из представителей рода Курбатовых. Для себя Колчины выстроили новый дом, рядом со старым, фасадом на Биржевую улицу, а между ними к 1820 г. было возведено специальное здание для часовни⁶. Попытки ее закрытия, о чем упоминает владыка, относятся к концу 1825 – началу 1826 гг. Однако она либо не была закрыта, либо прерывала свою деятельность лишь на время и вскоре была вновь открыта с разрешения городничего. В 1837 г. по поводу этой моленной вновь было возбуждено дело. Неофит счел его не законченным, не смотря на то, что, как сообщает другой источник, «Колчин дал подписку не устраивать раскольничьих собраний. Сарапульский городничий за попустительство расколу и разрешение устроить моленную в доме Колчина, которая должна была быть закрыта, предан суду и удален от должности»⁷. В 1847 г.,

спустя несколько лет после смерти Г. Колчина, было разрушено и само здание, в котором некогда располагалась моленная⁸.

Вслед за Сарапупом епископ указывал на Нолинский уезд, как на район особой активности старообрядцев. Неофит не разделял успокоенность губернатора, вызванную отсутствием в губернии таких общежительств, как в Московской, Олонецкой и Саратовской губерниях. Действительно, на Вятке не было столь крупных старообрядческих объединений как Рогожское и Преображенское кладбища, Выго-Лексинские и Иргизские монастыри. Однако, сосредоточенная на небольшой территории Нолинского уезда совокупность четырех федосеевских и одной беглопоповской часовен, с устроенными при них кельями, не могли не вызвать озабоченность у епископа. «В Нолинском уезде находится 5 раскольничьих часовен, которые известны и губернскому правлению из производившихся об оных деле в следствие отношений епархиального начальства. Оне суть: Боровская, Ситьменская, Таратихинская и две Слудския. Обе последняя, хотя и предписано министром внутренних дел упразднить, но оне только запечатаны, а раскольники свое служение и требоисполнение перенесли в устроенные близ них дома. Сим часовням в простом народе усвадается имя монастырей, ибо при каждом из них устроено по несколько домов, известных более под именем келий для принятия будто бы больных и убогих обоого пола. А при Ситьменской часовне выстроен между прочими большой каменный двухэтажный дом, который в 1835 г. раскольники усиливались обратить в молитвенный, вместо имеющейся ветхой часовни. Но высочайшей властью сие предприятие их воспрещено, а допущено только вследствие представления губернатора признание больных и престарелых на основании особых правил. Впрочем, сие разрешение вовсе не простирается на прочие часовни. Сии-то раскольнические мнимые монастыри, в противность узаконениям и правилам, данным для Ситьменской богадельни, суть подлинно рассадники раскола. В них проживают люди всякого пола и возраста, самовольно оставив места своего жительства...»⁹.

Далее епископ перечислял основных руководителей вятских федосеевцев того времени, доказывая их «преступления». Он указывал на Гаврилу Ожегова, Тимофея Кашеева, Исаака Дрягина, Гаврилу Козлова, Леонтия Крысова, которые являлись наставниками и действовали совместно, объединяя часовни в единое целое.

В рапорте не названы еще три федосеевские часовни, примыкавшие к перечисленным выше, в селах Камарово и Русский Турек Уржумского уезда и Старая Тушка Малмыжского уезда. Их связь с моленными, указанными в рапорте владыки, не могла не обнаружиться в ходе следст-

вия, поэтому они также оказались в поле зрения духовного начальства¹⁰.

В 40-е гг. XIX в. был нанесен сильнейший удар по этому центру фелдосеевского согласия на Вятке. В 1840 г. была разрушена Таратихинская часовня, в 1841 г. запечатана Комаровская, в 1842 – Боровская и обе Слудские, в 1848 – Ситьменская и Тушкинская¹¹.

Среди характеризующих Неофитом в порядке значимости раскольниковых центров, третьим оказалась Подрельская волость Орловского уезда. Главными расколоучителями в тех местах преосвященный называл Никифора Исаковича Ситникова и Ивана Никоновича Изергина, личностей, безусловно, вызывающих огромный интерес.

Н. И. Ситников родился в 1764 г.¹², вероятно, в д. Алексеевской Пинюжской (Белозерской) волости Орловского уезда¹³. В 80-е гг. XVIII в., скрываясь от рекрутчины, он уехал на Выг, в Данилов монастырь. К тому времени эта дорога уже хорошо была известна крестьянам Вятской губернии, особенно северных ее территорий. К началу 90-х гг. XVIII в. он вновь появился в вятских пределах, в районе Верхораменья. А в 1796 г., попав под амнистию по манифесту в связи с воцарением Павла I, вернулся в д. Алексеевскую уже известным пропагандистом староверия. В 1800 г. он женился («сводничеством») на Фекле Лукиной¹⁴. Вероятно, на Выге Н. Ситников был благославлен на наставничество, так как в начале XIX в. (1805, 1808, 1810 гг.) он неоднократно привлекался к суду за отправление треб¹⁵. К этому времени авторитет Н. Ситникова как руководителя местного старообрядчества был настолько велик, что об «уклонившихся в раскол» говорили: «Предался Никифору»¹⁶. В 30-е гг. XIX в. под его влиянием находились даже волостные чиновники, а писарь И. Гвоздев женился на дочери Н. Ситникова и присоединился к старообрядчеству¹⁷.

В начале 20-х гг. XIX в. в своем доме в с. Подрелье Н. Ситников устроил моленную. Во время следствия 1836 г., начавшегося с доноса священника Катаева, она была обнаружена. Моленная оказалась довольно богатой. В ней было много икон (в два яруса), книг. Ее запечатали. Но в январе 1837 г. по распоряжению губернатора она была открыта как основная до 1826 г.¹⁸ Однако из-за публичного богослужения в доме Н. Ситникова 3 апреля 1838 г., проводившегося в виду его отсутствия (находился в тюрьме) зятем И. Гвоздевым, было возобновлено следствие, в результате которого в доме обнаружили вторую моленную, расчитанную на 25 человек. Обе их, конечно же, запечатали, а уголовные дела 1836 и 1838 гг. были объединены и отправлены в Орловский уездный суд¹⁹. По приговору суда в 1839 г. Н. Ситников был отправлен в ссылку в Закавказье²⁰. О дальнейшей его судьбе ничего не известно.

В ходе следствий 1836 и 1838 гг. были выявлены имена и других активистов староверческого движения на северо-востоке Орловского уезда, которые в делах именовались помощниками Н. Ситникова. Главная роль среди них отводилась И. Изергину.

Когда и где родился И. Изергин, пока не известно. Но изначально он принадлежал к официальной церкви и до 1799 г. был пономарем в подрельском храме. С этой должности он был уволен по собственному желанию, объясняя необходимость увольнения частыми припадками, вызываемыми неизвестной болезнью. Вскоре после этого он перебрался в д. Нелюбинскую, находившуюся в полуверсте от с. Подрельского, а затем уехал на Выг. С этого времени он стал своего рода связным между Выгом и орловскими староверами. Из Поморья он привозил кресты, книги, иконы, особенно много – для моленных Н. Ситникова, а на Север препровождал ищущих благочестия вятчан.

И. Изергин занимался не только делами духовными. Нередко он выступал в качестве поверенного в делах общественных от имени крестьянской общины, беря на себя и все материальные издержки²¹. Видимо, он был человеком не бедным: в 1838²² и 1841 гг. И. Изергин предпринимал попытки записаться в 3-ю гильдию казанского купечества, но препятствием к тому была его принадлежность к старообрядчеству, отказываться от которой он не желал²³. На чем И. Изергин составил свой капитал, точно не известно, но в начале XX в. миссионер П. Цвейтов зафиксировал рассказ одного из подрельских жителей о том, что его отец и И. Изергин были первыми путешественниками в Сибирь на лошадях, там они покупали золото и перепродавали его на Нижегородской ярмарке²⁴. Косвенным подтверждением того, что И. Изергин мог таким образом зарабатывать деньги, является тот факт, что именно на первую треть XIX в. приходится расцвет полулегальной, а затем нелегальной торговли золотом в Екатеринбурге²⁵. Следует заметить, что уральскими археографами во время экспедиции в Красноуфимске была получена рукописная книга с небольшими киноварными инициалами, выполненными в поморском стиле, на которой имеется запись: «Сия книга цветник куплена у Ивана Никонова Изергина или забыта им, оказалась у нас, у Устина. 1829 года»²⁶. Конечно же, нет твердых оснований утверждать, что книга была оставлена Изергиным именно в Красноуфимске. Но и исключать вероятность того, что это произошло на пути его следования за золотым товаром, тоже не стоит. Среди документов, найденных несколько позднее у одного из федосеевских наставников с. Старая Тушка, была обнаружена подробная роспись маршрута с Вятки в Сибирь, причем Красноуфимск и Екатеринбург отмечены здесь как перевалочные пункты²⁷.

В 1838 г. по решению суда И. Изергин был отдан под надзор волостного начальства, однако это реально не ограничило его свободы передвижений²⁸. По настоянию вятских духовных властей 30 ноября 1841 г. Святейший Синод подписал указ о вызове И. Изергина в Казанскую или Вятскую духовную консисторию для увещевания. Однако целый год ушел на его поиски. В ноябре 1842 г. он был доставлен в Вятскую консисторию, но так как увещевание там не дало желаемых результатов, И. Изергина отправили в Вятский Успенский монастырь под начало иеромонаха Панкратия. Но и Панкратию не удалось склонить его к отказу от староверия, вследствие чего было решено отправить И. Изергина в отдаленный монастырь для постоянного увещевания. Об этом было донесено Синоду, но реализовать намеченный план Неофиту не удалось. Дело Изергина было передано в Палату государственных имуществ. В 1843 г. Орловский земский суд постановил продержать И. Изергина неделю в тюрьме на хлебе и воде, а после этого сослать в Закавказье. С этим согласилась и Палата уголовного и гражданского суда, но Комитет министров смягчил приговор, постановив: «Крестьянина И. Изергина, не избличенного в совращении православных, но обнаруженного в действиях и поступках, клонящихся к утверждению единомышленников в их сектаторских заблуждениях, выдержать в городской тюрьме два месяца и строжайше подтвердить ему, дабы отнюдь не осмеливался дозволить себе каких-либо действий, клонящихся к соблазну православных, внушая ему, что если он вновь будет замечен в посягательстве на распространение раскольнических заблуждений, то подвергнут неизбежному взысканию по всей строгости законов. Местной же полиции и приходскому духовенству поручить за поступками Изергина в отношении веры иметь неослабный надзор»²⁹.

В числе других активных помощников Н. Ситникова в рапорте Неофита были названы крестьяне Верходворской волости Христина Кононова, Евтихий Лузянин, Епимах Подскачин (Подыниногин) и др.³⁰ Во время следствия в их домах были обнаружены иконы и книги³¹. Какое наказание они понесли и как сложились их дальнейшие судьбы – неизвестно.

К числу тех мест, в которых старообрядчество имело значительную силу, преосвященный отнес также Камский (юго-восток Сарапульского уезда) и Омутнинский (юго-запад Глазовского уезда) заводы³². Однако он не дал подробной характеристики сложившейся там ситуации, так как в данном случае трудно было обвинить светские власти в недостаточной активной борьбе с «расколом». Названные заводы находились «в ведении горного начальства Уральского хребта», и это, по мнению

Неофита, несколько оправдывало бездействие вятского губернского начальства, поскольку оно не могло обладать всей полнотой информации³³.

Дав характеристику основных, по его мнению, мест сосредоточения старообрядцев в Вятской губернии, в ходе которой неоднократно подчеркивалось попустительство старообрядцам со стороны светских властей различного уровня, епископ Неофит перешел к более подробному изложению их вин и достижений духовенства в борьбе со старообрядчеством.

Во многом не соглашаясь с причинами распространения раскола, указанными губернатором, владыка называет свои. Одной из главных причин он посчитал устройство крестьянами починков, «новых селений в лесах и глухих, почти не проходимых местах, отдаленных от церквей. Сие переселение делалось крестьянами по большей части самовольно или с позволения начальства, но всегда без ведения духовенства, так что священники, не зная об этом, не опекали их»³⁴. Именно эти селения, как указывал Неофит, стали местами укрывательства расколоучителей.

По мнению епископа, чиновники совершенно безответственно подходили к вопросу записи населения в число раскольников, включая в списки целые деревни только со слов жителей, без каких-либо проверок вероисповедной принадлежности их предков.

Владыка указывал на конкретных представителей местных властей, благожелательно относившихся к старообрядцам. Среди них назван городничий Сарапула Дуров, который выдавал старообрядцам «свидетельства, подобные метрическим, на вступление в брак», бывший нолинский исправник Честновский, который в 1836 г. занимался следствием по делу Таратихинской часовни, и др.

По замечанию епископа Неофита, все дела о преследовании раскольников начинались по инициативе духовенства³⁵.

Как известно, расхождения во взглядах светских и духовных властей на методы и масштабы борьбы со старообрядчеством стали появляться со времен Петра I. Отношение светских властей к поборникам старины изменялось в сторону либерализации, что происходило под влиянием усиления роли старообрядцев в экономической жизни страны. Не будучи в полной мере отраженной в законодательных актах, эта либерализация все более проявлялась в настроениях отдельных представителей власти различного уровня. Даже период николаевской реакции не смог прервать этой тенденции.

Примером тому, как позиция светских властей влияла на судьбы старообрядцев в рассматриваемый период, может служить история бегопоповской часовни в с. Наймушине Глазовского уезда, созданной в

1810 г. В начале 30-х гг. XIX в. предпринимались попытки закрыть ее. Старообрядцам удалось подать прошение непосредственно министру внутренних дел гр. Закревскому, который «не нашел столь уважительных обстоятельств, по коим бы следовало воспретить упомянутым раскольникам отправлять богомоление по их обрядам в означенной часовне, особенно же в таком случае, если сие воспрещение не только не послужит к обращению раскольников в православие, но еще произведет между ними беспокойство и вящее в заблуждении их ожесточение. В подобном случае местное начальство должно действовать не иначе, как со всевозможною осмотрительностью и не приступая само собою без предварительного от Министерства внутренних дел разрешения ни к каким решительным мерам...»³⁶. Видимо, это распоряжение министра не позволило закрыть часовню и в середине 30-х гг. XIX в.³⁷; возможно, поэтому о ней не было донесено Неофиту. В 1844 г. губернскому начальству стало известно о ремонте, производившемся в часовне. Дело было представлено на рассмотрение в Комитет министров, который своим положением от 4 июня 1846 г. постановил: «Часовню, как построенную до 17 сентября 1826 г. оставить в настоящем положении, вменить местному начальству полицейскому иметь строгое наблюдение, чтобы не было новых поправок или возобновлений», а владельца часовни Иону Телицына освободить за отсутствием состава преступления³⁸.

К 30–40-м гг. XIX в. даже сами старообрядцы отмечают разность в подходах к ним светских и духовных властей, замечая, что светские власти нередко действуют под давлением духовенства. Уральский старообрядческий писатель, автор сочинения «Книга правый путь, ведущая христианина ко спасению», пишет: «А ныне духовные учителя не духом кротости, но силою власти неповинных старообрядцев гонят, стесняют всякими злохитроумышленьми, и чрез светских властей, по настоянию их мучат и кровопролитие сотворяют, яко же и древле ненавидяши правду, гоняху православно держащих святая предания в ненарушимости, тако и ныне духовныя власти творят»³⁹.

Спустя много лет после рассматриваемых в статье событий один из активистов Вятского православного миссионерского братства во имя Николая Чудотворца А. Одоев, делая обзор истории старообрядчества на Вятке и борьбы с ним, писал: «Отсутствие солидарности между светскими и духовными властями принесло громадный вред миссионерской деятельности. Светские власти не только иногда не хотели помогать духовным в борьбе с расколом, а даже выступали в явный вред православию»⁴⁰.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ РГИА. Ф. 796. Оп. 119. Д. 1370. Л. 52

² Там же. Л. 1.

³ Там же. Л. 3–3 об.

⁴ Там же. Л. 16 об.–18.

⁵ ГАКО. Ф. 582. Оп. 128з. Д. 169. Л. 35–36.

⁶ Там же. Л. 43–43 об.

⁷ РГИА. Ф. 797. Оп. 5. Д. 21104. Л. 108 об.–109.

⁸ ГАКО. Ф. 237. Оп. 8. Д. 588. Л. 1–34 об.

⁹ РГИА. Ф. 796. Оп. 119. Д. 1370. Л. 18–19 об.

¹⁰ О федосеевцах на Вятке подробнее см.: *Починская И.В.* Из истории старообрядчества Вятского края. Федосеевцы (вторая половина XVIII – начало XX вв.) // Очерки истории старообрядчества Урала и сопредельных территорий. Екатеринбург, 2000. С. 43–84; дополненный и расширенный вариант этого очерка в электронной версии см.: www.virlib.eunnet.net/books/oldb3

¹¹ Подробнее об этом см. там же.

¹² ГАКО. Ф. 582. Оп. 44. Д. 253. Л. 53.

¹³ *Цвейтов П.* Описание подрельского раскола. История его от возникновения и до настоящего времени. Вятка, 1908. С. 5.

¹⁴ Там же. Л. 5–6. Эта информация нуждается в уточнении, так как в 1800 г. Ф. Лукиной было всего 11 лет, что следует из сведений о старообрядцах, проживавших на территории губернии в 1815 г., собранных Вятской губернской канцелярией.

¹⁵ Там же. С. 7.

¹⁶ Там же. С. 8.

¹⁷ Исторические сведения о раскольниках Орловского уезда. (Материалы для истории Вятского раскола) // ВЕВ. 1875. № 14. С. 443–444.

¹⁸ РГИА. Ф. 796. Оп. 119. Д. 1370. Л. 20 об.; Исторические сведения о раскольниках Орловского уезда // ВЕВ. 1875. № 13. С. 418.

¹⁹ РГИА. Ф. 796. Оп. 119. Д. 1370. Л. 21.

²⁰ Исторические сведения о раскольниках... // ВЕВ. 1875. № 14. С. 445; *Цвейтов П.* Описание подрельского раскола... С. 24.

²¹ Исторические сведения о раскольниках... С. 445–447.

²² РГИА. Ф. 796. Оп. 119. Д. 1370. Л. 21–21 об.

²³ Исторические сведения о раскольниках... С. 448.

²⁴ *Цвейтов П.* Описание подрельского раскола... С. 11.

²⁵ См. статью настоящего сборника: *Белобородов С. А.* Ювелирное искусство в Екатеринбурге в период его расцвета (конец XVIII – первая треть XIX вв.).

²⁶ НБ УрГУ. Красноуфимское собр. (IV). № 94р/99.

²⁷ ГАКО. Ф. 582. Оп. 28. Д. 323. Л. 16 об.

²⁸ РГИА. Ф. 796. Оп. 119. Д. 119. Л. 21–21 об.

²⁹ Исторические сведения о раскольниках... С. 448–450.

³⁰ РГИА. Ф. 796. Оп. 119. Д. 1370. Л. 21 об.

³¹ Исторические сведения о раскольниках... // ВЕВ. 1876. № 2. С. 45–54; № 3. С. 74–82.

³² РГИА. Ф. 796. Оп. 119. Д. 1370. Л. 22.

³³ Там же.

³⁴ Там же. Л. 23

³⁵ Там же. Л. 23–24 об.

³⁶ ГАКО. Ф. 583. Оп. 608. Д. 1158. Л. 48 об.

³⁷ Там же. Л. 48.

³⁸ Там же. Л. 49.

³⁹ НБ УрГУ. Невьянское собр. (IV) № 117р/858. Л. 78.

⁴⁰ *Одоев А.* Реферат, читанный в общем собрании Вятского братства Святителя и Чудотворца Николая 22 декабря 1896 г. // ВЕВ. 1897. № 2. С. 48.

Д.В. Бугров

**СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИДЕАЛЫ
РУССКОЙ МОНАРХИЧЕСКОЙ УТОПИИ
РУБЕЖА XIX–XX вв.**

Проблема идентификации исторического опыта и перспектив развития России на протяжении по меньшей мере трех веков постоянно привлекает внимание мыслителей и общественных деятелей, становится все более и более публично обсуждаемой. Рубеж тысячелетий с особой остротой отразил непреходящую актуальность гоголевского вопроса о том, куда несется русская «птица-тройка». В хоре голосов, отстаивающих ту или иную альтернативу грядущего, слышатся и ностальгические ноты традиционалистских тонов. Частичный ренессанс почвеннической парадигмы порожден целым рядом причин, анализ которых не является целью автора данной статьи – эти причины слишком хорошо известны. Сама же история эволюции консервативно-монархических идей заслуживает более пристального внимания – ведь они до сих пор не получили исчерпывающего освещения ни в исторической, ни в философской литературе, хотя в последние годы исследовательский интерес к консервативной теории и практике заметно возрос¹.

Среди наиболее заметных представителей этого самобытного направления отечественной социально-политической мысли рубежа XIX–XX вв., пожалуй, самое видное место занимает С.Ф. Шарапов (1856–1911) – дворянин, публицист, экономист, редактор-издатель «Русского дела», «Русского труда» и «Сеятеля». Характерно, что даже такое претен-